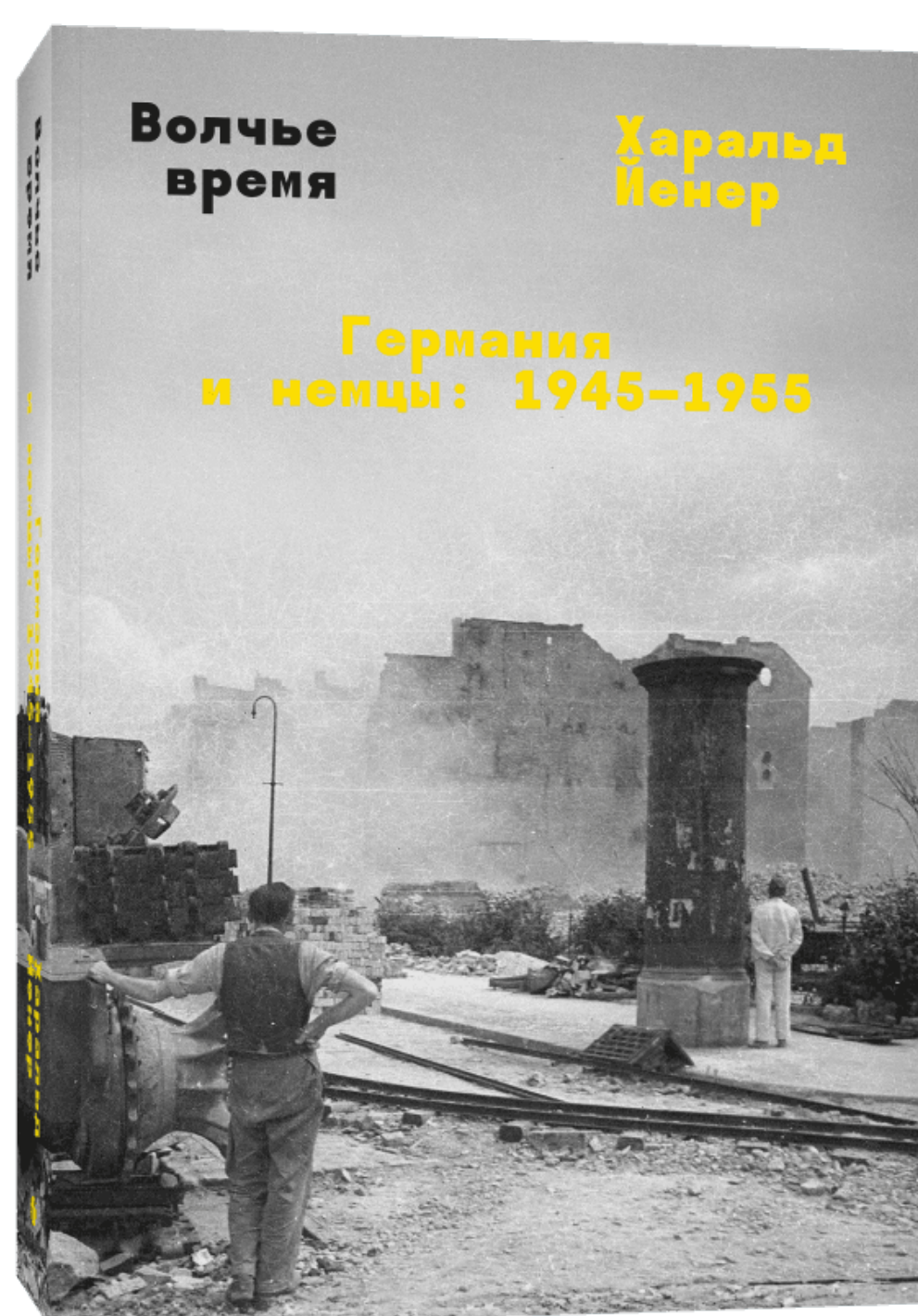

Текст · 11 декабря 2023, 13:49

3,7 миллиона дел о денацификации. Отрывок из книги о послевоенной Германии «Волчье время»

Одержимая своим величием держава с диктатором во главе развязывает чудовищную войну — и терпит в ней военное и нравственное поражение. Что происходит с ее жителями? В книге [«Волчье время»](#), перевод которой только что вышел в издательстве *Individuum*, публицист Харальд Йенер исследовал, чем жила и как выживала Германия первые десять лет после окончания Второй мировой. «Медиазона» публикует фрагмент о Нюрнбергском процессе и о том, как большинство немцев дистанцировались от преступлений нацистского режима, а многие бывшие члены НСДАП старались сделать вид, что никогда и не поддерживали линию партии.

Хотя послевоенные немцы были уставшими, раздраженными и излечившимися от любых националистических эксцессов, их сплоченность и в этом отношении была отмечена постоянством

и твердостью: они простили себе нацистские преступления. То, что немцы не пытались свести счеты друг с другом, стало вторым феноменом, поразившим победителей. Уж если они чувствуют себя жертвами, то почему не жаждут мести, не стремятся покарать своих мучителей? В первое время оккупационные власти опасались беспорядков, волны насилия, многочисленных актов мести противников нацизма своим преследователям.

Готовились к этому и многие борцы сопротивления. Но они «выпустили пар» в ходе борьбы за выживание, как записала Рут Андреас-Фридрих^[1] в октябре 1945 года в своем дневнике: «Староста блока, который издевался над нами, лагерный надсмотрщик, который избивал нас, доносчик, который выдал нас гестапо. Судьба обманула нас, лишив возможности свести личные счеты с врагами. Да, тогда, в феврале, в марте или в апреле, в последние недели войны, когда доносительство расцвело пышным цветом, когда даже самые глупые поняли, как подло их обманул нацизм, — тогда мы почувствовали, что созрели для мести. Три дня между крушением режима и установлением новой власти — и тысячи или десятки тысяч разуверившихся, оскорбленных, измученных нацизмом немцев разделались бы со своими врагами. Каждый уничтожил бы своего личного тирана. "Око за око", клялись мы тогда. "Первый час после конца станет часом длинных ножей!" Но судьба распорядилась иначе... Прежде чем успела наступить Варфоломеевская ночь, вчерашний кровопийца превратился в сегодняшнего товарища по несчастью. В соратника по борьбе с общей бедой».

Синхронные переводчики из четырех стран, Нюрнберг, 18 ноября 1945 года.
Фото: B.I.Sanders / AP

Мысль об упущенной возможности взбунтоваться звучит и в рассказе Ханны Арендт^[2]

о ее посещении Германии: «Единственной альтернативой программы денацификации была бы революция — взрыв спонтанной злости немецкого народа по отношению ко всем, кто был известен как важный представитель нацистского режима. Каким бы неконтролируемым и кровавым это восстание ни было, оно наверняка установило бы более справедливые масштабы возмездия, чем это теперь происходит на бумаге. Но до революции дело не дошло. Не потому, что ее было бы трудно организовать на глазах у четырех армий. Причина, вероятно, заключалась лишь в том, что не потребовалось бы ни одного немецкого или оккупационного солдата, чтобы спасти от народного гнева подлинных виновников катастрофы. Потому что этого гнева сегодня просто нет и, очевидно, никогда и не было».

Итак, «частное возмездие» не состоялось. Однако и государственное оставляло желать лучшего. С ноября 1945 по октябрь 1946 года в Нюрнберге шел судебный процесс международного военного трибунала. На скамье подсудимых оказались 24 «главных военных преступника», в том числе Герман Геринг, Альфред Йодль, Рудольф Гесс, Роберт Лей, Иоахим фон Риббентроп, Ялмар Шахт, Ганс Франк и Бальдур фон Ширах. Союзники создали свои рабочие группы

для обработки материала, охватывавшего 43 толстых тома.

Одна только американская группа состояла из 600 сотрудников. Международно-правовое значение процесса было огромным. Некоторые уголовно-правовые нормы применялись впервые, например «преступление против человечности» или «преступление против мира». Позже Ян Филипп Реемтсма^[3] резюмировал: «Принятие положения о том, что не каждое преступление может быть оправдано ссылкой на политическую подоплеку, является заслугой Нюрнбергского процесса, который по этой причине можно назвать цивилизационной интервенцией».

Неудивительно, что к этому процессу было приковано внимание всей международной общественности. В Нюрнберг съехались репортеры из 20 стран, в зале суда им выделили 240 мест. Среди них были такие известные писатели, как Джон Дос Пассос, Эрнест Хемингуэй, Джон Стейнбек, Луи Арагон, Илья Эренбург и Константин Федин. Присутствовала в качестве зрителя и Марлен Дитрих. Для норвежской прессы события освещал Вилли Брандт, от лондонской газеты *Evening Standard* приехала Эрика Манн, дочь нобелевского лауреата. Ее репортажи вызывали особый интерес читателей, хотя надежда на то, что благодаря этой информации они смогут лучше понять немцев, едва ли оправдалась.

Только в самой Германии царило равнодушие по отношению к процессу. Вильгельм Эмануэль Зюскинд, репортер *Süddeutsche Zeitung* и будущий ее главный редактор, сетовал: «Нам уже приходится

выслушивать упреки иностранных журналистов в равнодушии и скептическом отношении среднестатистического немца к Нюрнбергскому процессу. К сожалению, это правда... По поводу другого наблюдения наших английских и американских критиков тоже трудно что-либо возразить; они говорят: немцы предпочли бы, чтобы союзники на Нюрнбергском процессе, грубо говоря, не разводили бы канитель, а просто взяли бы и повесили эту двадцатку. Так для них привычнее — как в гитлеровские времена. Печальный триумф до сих пор не выветрившегося духа военно-полевого и народного суда».

Психологический расчет многомиллионной армии «попутчиков», «сочувствующих» был вполне понятен: скорая расправа над бандой нацистских главарей стала бы безболезненным завершением всей этой истории, и можно было бы наконец спокойно заняться решением насущных проблем, а их было больше чем достаточно. Даже обвиняемые придерживались этой же тактики, в самом начале сразу же объявив себя жертвами пропаганды Гитлера, Гиммлера и Геббельса, которые публичному наказанию практично предпочли самоубийство.

Альфред Деблин^[4] тоже ожидал от Нюрнбергского процесса катарсического эффекта для большинства немцев. Разумеется, при условии, что они будут следить за его работой с вниманием и участием. И чтобы обеспечить это внимание и участие, он под псевдонимом Ганс Фиделер выпустил брошюру «Нюрнбергский процесс» тиражом 200 тысяч экземпляров, в которой из педагогических соображений освещал события с

точки зрения обычного немца, а не эмигранта, прожившего двенадцать лет вдали от Германии. Нюрнбергский процесс, этот «мировой театр», как его называли многие репортеры, стал своего рода «первой манифестацией мировой совести», «восстановлением человечности». Позже Деблин с горечью выразил предположение, что его брошюру покупали только ради фотоснимков обвиняемых.

Из 22 оставшихся преступников (двое умерли до окончания процесса) троих оправдали, семерых приговорили к большим срокам лишения свободы или пожизненному заключению. Только двенадцати вынесли смертный приговор. Их (кроме Геринга, за несколько часов до казни раскусившего капсулу с ядом) повесили 15 октября 1946 года. Остальных осужденных заставили произвести уборку на месте казни. Трупы повешенных увезли в Мюнхен, где они были сожжены, а пепел их тайно развеян, как сегодня известно, над речкой Конвенцбах, которая неподалеку от крематория Восточного кладбища впадает в Изар.

На этом сведение счетов с прошлым не закончилось. Позже перед судом предстали еще 185 представителей нацистской элиты — врачи концентрационных лагерей, юристы и промышленники. Это была лишь десятая или даже сотая доля от числа главных виновников. Делами огромного количества национал-социалистов занимались военные трибуналы, но прежде всего — комиссии по денацификации, состоявшие из немцев, народных заседателей, и работавшие под надзором союзников. Эти 545 народных судов рассмотрели дела 900 тысяч человек и установили различную степень

причастности: главные виновники, активные и пассивные соучастники преступлений, косвенно причастные и непричастные. Осуждены были в итоге всего 25 тысяч активных национал-социалистов, в том числе 1667 «главных виновников».

Результат довольно жалкий. Хотя многие натерпелись страха, ведь предугадать вывод аттестационных комиссий было трудно. Но, как бы то ни было, в американской оккупационной зоне всем чиновникам, вступившим в НСДАП до 1937 года, пришлось покинуть свои рабочие места. Правда, в 1950 году треть из них снова заняли свои прежние должности, а позже — еще больше. В общей сложности было рассмотрено 3,7 миллиона дел, и только четвертая часть из них закончилась судебным процессом. Таким образом, более трех миллионов человек какое-то время жили в страхе и неизвестности.

Историк Ульрих Херберт оценивает результат денацификации как неоднозначный, то есть гораздо выше, чем это было принято в последующие десятилетия: «При всех — ввиду грандиозного масштаба этого охватывающего все общество процесса — неизбежных недоработках и несправедливостях он (процесс денацификации. — Прим. авт.) все же существенно способствовал определению меры ответственности немецкого общества и его политической элиты за политику национал-социалистической Германии, выявлению и изоляции активных нацистов, а также тех, кто был причастен к злодеяниям гитлеровского фашизма, и хотя бы временному запрету для

них занимать руководящие посты и оказывать общественное влияние. Так собственный опыт большинства немцев, следственно-розыскные мероприятия союзников, денацификация или просто политический адаптационный инстинкт привели если не к проклятию, то во всяком случае к своеобразному табуированию национал-социализма как системы власти. Хотя часть идеологического и политического наследия диктатуры продолжала жить».

Чтобы понять абсолютно безучастное и чуждое всякому пафосу «смыкание рядов» немцев в эти годы, нужно учесть одну особенность работы комиссий по денацификации: полный отказ от презумпции невиновности — не комиссия должна была предоставлять доказательства виновности аттестуемого, а он должен был доказывать свою невиновность. Оправдание ввиду отсутствия улик было теоретически исключено. Логическое обоснование такого подхода заключалось в следующем: член партии виновен уже хотя бы потому, что состоял в преступной организации, поэтому должен сам представить комиссии оправдательный материал, если таковой имеется.

Массовое стремление оправдаться перед комиссией по денацификации сблизило людей. Аттестуемые бегали по городу, собирая оправдательный материал на себя, выпрашивая у «благонадежных» сограждан, антинацистов и даже признанных жертв нацизма так называемую справку-детергент (*Persilscheine*)-, удостоверяющую, что они, хоть и состояли в партии, на практике не разделяли ее линию, например, помогли старушке-еврейке перейти улицу

или рассказывали анекдоты о гитлеровском режиме. Будущий депутат Бундестага Ойген Герстенмайер рассказывал, что ему часто приходилось выписывать такие «справки»: «Потому что люди рассуждали так: этот еще недавно сидел в тюрьме за участие в подготовке покушения на Гитлера — должно же это произвести впечатление на американцев и на их немецких уполномоченных? Во всяком случае, от желающих получить "справку-детергент" не было отбоя».

Позже эти справки-характеристики признали одним из подлых приемов выгораживания нацистов, свидетельством лживости немцев в послевоенный период и символом, по сути, провалившейся, в значительной мере сфальсифицированной денацификации. Однако не все было так просто и с этими «справками». Не могло не отразиться определенным образом на сознании, если какой-нибудь бывший староста блока просил не запятнанного нацизмом или даже репрессированного соотечественника дать ему положительную характеристику. Приятного в этой процедуре, конечно, было мало, тем более что такая просьба многим давала повод для тайного злорадства, а иногда и явного выражения соответствующих чувств. К тому же не все и далеко не все готовы были удостоверить в упомянутых характеристиках.

Источник: Харальд Йенер. «Волчье время». Перевод с немецкого Романа Эйвадиса, под редакцией Виктора Зацепина

1. Журналистка и участница антинацистского подполья.
2. Немецко-американский философ, одна из самых влиятельных политических теоретиков второй половины XX века. Родилась и выросла в Германии, после прихода к власти нацистов была ненадолго арестована, бежала во Францию, а в 1940 году — в США. После окончания Второй мировой вернулась в Германию, но лишь на полгода.
3. Филолог и публицист, основатель Гамбургского института социальных исследований.
4. Немецкий писатель еврейского происхождения. Покинул Германию после прихода к власти нацистов, был среди первых эмигрантов, вернувшихся в страну после войны.